

RU

Поэзия эскимоски Зои Ненлюмкиной: «горизонты ожидания»

Хазанкович Ю. Г.

Аннотация. Научная новизна определена неисследованностью творчества Зои Ненлюмкиной и необходимостью рецепции ее поэзии в живом социокультурном и эстетическом контекстах традиционной культуры российских эскимосов, литературных традиций и традиционных жанров. Поэзию З. Ненлюмкиной актуально изучить через обращение к проблеме рецепции национального текста и его воздействия на инационального читателя. Цель нашего исследования предполагает выявление «горизонта ожидания» с учетом культурно-эстетических, этнических и ментальных представлений инокультурного читателя о поэзии эскимоски З. Ненлюмкиной. Результатом исследования стало раскрытие особенностей влияния инокультурной художественной традиции, устнопоэтического наследия эскимосов - песен и заклинаний, определивших жанрово-содержательные особенности гражданской и философской лирики З. Ненлюмкиной.

EN

The Eskimo Zoya Nenlyumkina's Poetry: "Horizons of Expectations"

Khazankovich Y. G.

Abstract. The scientific originality is determined by the fact that there has been little research into the works of Zoya Nenlyumkina and that there is a need for reception of her poetry in live sociocultural and aesthetic contexts of the Russian Eskimos' traditional culture, literary traditions and traditional genres. It is relevant to study Z. Nenlyumkina's poetry by turning to the problem of the reception of a national text and its influence on a foreign reader. The paper aims to identify the "horizon of expectations" considering a foreign reader's cultural-aesthetic, ethnic and mental concepts of the Eskimo Z. Nenlyumkina's poetry. As a result, the study has revealed the peculiarities of the influence of a foreign literary tradition, the Eskimos' oral poetic heritage - songs and spells which determined the genre characteristics of Z. Nenlyumkina's civilian and philosophical lyrics.

Введение

Исследование литературы российских эскимосов – проблема однозначно актуальная, учитывая эпизодичность выхода критических и литературоведческих исследований по творчеству знаковых, но единичных персоналий в истории национальной прозы и поэзии. Ключевыми именами в истории эскимосской литературы следует назвать: прозаика Айвангу (1926-1963). Рассказы о природе, животных, охоте на моржей и китов, повседневной жизни эскимосов – основа его книги «Наш родной Уназик»; поэта и первого эскимосского летчика Ю. Анко (1930-1960), русскоязычную поэтессу Т. Ачиргину и З. Ненлюмкину, пишущую на почти исчезнувшем наукаанском диалекте эскимосского языка (о персоналиях эскимосской литературы см. работы: (Николаев, 1980; Огрызко, 1980; 1993; Чадаева, 1976; 1979). Классик чукотской литературы Ю. Рытхэу (1986) подчеркивал, что появление литературы – следствие «социальных изменений, произошедших в нашей стране» (с. 86).

Степень разработанности темы. В середине 1970-х годов в авторстве известного литературоведа, исследователя литератур народов Северо-Востока Азии Ю. М. Шпрыгова (1975, стб. 958-959) на страницах «Краткой литературной энциклопедии» была опубликована небольшая словарная статья об эскимосской литературе. Обзорная статья об истории эскимосской литературы представлена в словаре «Литературы народов России. XX век». В словарной статье Пошатаевой А. В. (2005) описана специфика содержания эскимосского фольклора и в кратких статьях представлена биография и основные этапы творчества Ю. Анко, Т. Ачиргиной, З. Ненлюмкиной. В новейшее время особо выделим сборник критических и литературоведческих статей «Эскимосская литература» (2008). Книга вышла под редакцией главного редактора еженедельника «Литературная Россия» В. Огрызко, куда были автором-составителем включены статьи как советских, российских, так и зарубежных исследователей. Реферативный обзор сборника позволяет сделать наблюдение, что на сегодняшний

день есть только подступы к изучению литературы эскимосов России, не говоря уже выработанной методологии ее изучения, а между тем важен при ее изучении живой социальный контекст, учет языковых особенностей, эстетических приоритетов и традиционных жанров. В рамках статьи мы представим результаты исследования поэзии З. Ненлюмкиной в призме рецептивной эстетики. Обращение к рецептивной эстетике обусловлено нашим интересом к проблеме воздействия национального текста на инонационального читателя и его сознание. Порожденная рецептивной эстетикой идея «горизонта ожидания» (Яусс, 1995) предполагает абрисное воссоздание историко-эстетических, этнических, социокультурных и ментальных представлений читателя о произведении. Творчество каждого большого художника имеет свой онтологический статус в бытии литературы, потому что в со-творческом диалоге автора и читателя обнажаются их индивидуальные культурно-эстетические установки и концепты.

При рецептивном подходе к тексту важны интерпретационные предпочтения читателя, которые детерминированы художественно-эстетическим контекстом, кодами национальной культуры и наделяют художественный текст смыслами. При встрече с инонациональным произведением у читателя появляется критическое восприятие необычных образов, тем, художественное видение в призме кодов национальной культуры учит нас пониманию национально насыщенного текста. «Горизонт ожидания» позволяет нам выявить и интерпретировать содержание и форму литературного текста, а также уловить, по словам Х. Р. Яусса, «герменевтическое различие между прежним и нынешним пониманием произведения и отклики, порождаемые произведением в его сознании» (Яусс, 1994, с. 99).

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы при написании истории эскимосской литературы и включены в программы спецкурсов по литературам народов России.

Основная часть

Критик И. Гобзев (2008) написал, что ключевые темы поэзии Ненлюмкиной – любовь, одиночество, надежда. Более того, он ее назвал «эскимосской Анной Ахматовой раннего периода» (с. 250). И не без основания: в ее женской лирике есть то, что так выразительно обозначила А. Ахматова – «час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет». В статье исследователя культуры эскимосов Л. Чекина (1988) мы обнаруживаем упоминание об увлеченности поэтессой творчеством классика татарской литературы Мусы Джалиля. Эта тема отдельного исследования, но влияние татарского поэта проявилось и в том, что Ненлюмкина стала поэтом-мыслителем, поэтом-философом, сочетая в своих стихотворениях твердость характера эскимосской женщины с мягкой лиричностью и нежной любовью – к ребенку, мужчине и малой родине. Эти качества ей были близки еще и потому, что они привались с детства: она воспитывалась бабушкой Альпын, которая оказала особое влияние на Зою Ненлюмкину, приобщив ее к эскимосским преданиям, песням и звучанию родного науканского слова.

Первая книга стихов Зои Ненлюмкиной «Птицы Наукана» появилась в Магаданском издательстве в 1979 году, вышла на эскимосском и русском языках в переводе А. Черевченко, по словам В. Огрызко, «преобладает экзотика», тогда как в сборнике стихотворений «Где ты» (1986) в переводе М. Эдидовича критики не увидели в З. Ненлюмкиной «ни глубокого философа, ни тонкого лирика» (Огрызко, 2008, с. 51). Затем вышли сборники стихотворений для детей «Погуляй со мною, Солнышко» (1986), «Идти за Солнцем» (1988) и др. В рецепции творчества Ненлюмкиной интерес привлекают материалы Л. Чекина (2020), в которых представлена история изучения культуры эскимосов Канады, Дании, Гренландии, России, в том числе и творчества З. Ненлюмкиной в ракурсе колониальных и постколониальных стереотипов восприятия. Не все авторские положения разделяем, но согласимся с тем, что «различные стратегии перевода и издательская политика открывают инуитскую (эскимосскую. – Ю. Х.) литературу внешнему миру, но при этом могут создавать тот же искаженный образ инуитских обществ» (Гобзев, 2008). Статья Л. Чекина насыщена фактическим материалом, дополнена перепиской автора с поэтессой, и все это в совокупности позволяет нам восполнить представления о творчестве Ненлюмкиной и представить свой «горизонт ожидания» при рецепции ее произведений.

В истории эскимосской литературы творчество Зои Ненлюмкиной представлено гражданской и философской лирикой. Ее поэзия уходит корнями в эскимосскую песню – в песню, которую сами эскимосы-информанты называют «илаган», что означает песня со словами. В отличие от песни без слов, так называемой эскимосской «танцевальной песни», песня-«илаган» обязательно должна исполняться только одним певцом, в отличие, например, от песен-импровизаций, исполнение которых традиционно было коллективным, но самое для нас интересное, что исполнителем песни-«илаган» должна быть обязательно женщина (Сказки и мифы эскимосов..., 1985, с. 24). Более того, интересно замечание исследователя литератур зарубежных эскимосов и северо-американских индейцев А. В. Ващенко: у эскимосов «песенному сочинительству уделялось немалое внимание – это было важным событием социальной и личной жизни» (Ващенко, 2008b, с. 365).

Творческий путь З. Ненлюмкиной – тотальное одиночество: «Местные элиты всю жизнь вели с ней отчаянную борьбу. Сначала они всячески тормозили выход ее первой книги. Поэтессу попытались лишить общения с пишущим народом. В другие города, и особенно в Москву, ее годами из Провидения не выпускали. Начальники, наверное, полагали, что она не выдержит одиночества и быстро от тоски сторит. И в конечном счете власти добились своего. Фактически еще в начале 1990-х годов поэтесса замолчала» (Огрызко, 2008, с. 51).

Женская судьба, любовь и материнство – ключевые проблемы творчества Зои Ненлюмкиной, через которые осмысливаются темы более глобальные – жизнь маленького народа, судьба «малой родины» и исчезающей культуры эскимосов – «культуры Берингова пролива».

Образы ее лирических героев индивидуализированы в конкретных образах стариков, женщин, посредством которых ей удается во всей полноте передать эскимосское национальное мировосприятие и мироощущение. Поэтесса в слове не медитирует – свои мысли она заключает в простую форму повествования о жизни, о своей земле, народе, женской судьбе и воспоминания. Потому для ее стихов характерна интонация «рассказывания», исповеди, делающая читателя слушателем и очевидцем. К таким сюжетным стихотворением можно отнести стихотворения «Мужество», «Старость», «Бабушка Иппи». В последнем стихотворении из уст главной героини – бабушки Иппи, звучит история о судьбе женщины-эскимоски, которая восходит к бытовому рассказу эскимосов: ...Любовь до срока пришлось схоронить / ...За связку оленьих с тюленьими жил / меня в жены отдали, / не буду хулить / Муж хорошим охотником был – / Но сердце замкнулось / Мы ближе друг к другу не стали, / Да мало ли сколько обычай / в то время стубил... (Ненлюмкина, 1979, с. 23).

В сюжетных стихотворениях Зоя Ненлюмкина через личность своего лирического героя или лирической героини передает черты национального характера эскимосских женщин и мужчин, которым в равной степени присуща терпимость, трудолюбие, самопожертвование и импульсивность. Иногда свои сокровенные мысли поэтесса представляет в форме наказа-благословения, как в стихотворении, которое называется «Напутствие», где старик эскимос дает наказ юноше, собравшемуся в далекий путь. Но, по сути, это жизненное кредо самой поэтессы: ...Всякое встретишь – / и ложь, и нож, – / думай, дерись, держись. // Чем больше горя / В пути хлебнешь, / тем основательнее поймешь, / как хороша жизнь. // А люди сами решат вопрос, / свой ты или чужой...// (Ненлюмкина, 1986, с. 54).

Со стороны художественной формы сюжетная лирика Ненлюмкиной содержит ряд новаторских черт. Прежде всего она построена на смысловой оппозиции – сила и бессилие, суровость и нежность, разлука и любовь, старость и молодость. Это придает ее произведениям философский характер. Другая особенность – эпиграфы или прозаические вступления, которые играют роль «экспозиции» в некоторых ее стихотворениях. Например, стихотворению «Мужество» предпослан весьма необычный эпиграф:

На каждую женщину смотрю, как на свою мать.

Мужская эскимосская поговорка

Именно в его контексте разворачивается поэтическая мысль Ненлюмкиной и нетрадиционно осмысливается само понятие «мужество» – через призму судьбы ее лирической героини, матери-одиночки. В этом нами усматривается парадоксальность «женской» поэзии Зои Ненлюмкиной – ее «мужественная» личина: Мне хватит мужества самой / Его поднять и воспитать, / чтобы сумел ребенок мой / мужчиной настоящим стать. // Чтоб мог он в женщине любой / Свою родную видеть мать (Ненлюмкина, 1979, с. 43). В этом стихотворении, равно как и других, кольцевое строение, способствующее смысловой законченности произведения, что определяет эпическую основу ее сюжетной поэзии.

Мироощущением лирической героини Ненлюмкиной охвачена маленькая точка Земли – ее малая родина Наукан. Его мир отражается в ее душе, она и вне, и внутри него. В стихотворениях «Земли моей начало», «Птицы Наукана» осязаемо представлены обветренные скалы, на которых располагалось старое эскимосское селение Наукан, гремящие валы Берингова пролива, прибрежная галька и птицы. Этот маленький мир становится огромным миром, и его изменения лирическая героиня слышит и видит через призму богатого образного мира, который берет начало из самых разных источников. Прежде всего ее поэтические образы рождены культурой и менталитетом ее сородичей, устнопоэтическими традициями и анималистическими верованиями. Потому сквозными в ее поэзии оказываются одушевленный образ северного сияния, которое «мчится в небе» как «огненные волны», и образ солнца, которое именно с Наукана «по всей стране идет рассветом».

Но центральным образом ее поэзии, начиная с первого поэтического сборника, стала птица. Заметим, что в эскимосском языке у каждой птицы, в частности у чайки, были десятки названий. Вообще с птицей связывают ученые огромный пласт традиционной культуры эскимосов, – она составляющая их промыслового, экологического пространства и традиционных сакральных обрядов. Образ птицы у Зои Ненлюмкиной имеет разный облик и смысл – от реальной до мифической. В образе птицы предстает песня, через образ птицы осмысливается жизненный путь и др. Так, в стихотворении «Птицы Наукана» через образ птицы воскрешается родовая память о месте рождения, проведенном детстве и об ойкумене – Наукан: Весенний Наукан! // На льдине млеет нерпа. // И солнце сквозь туман / уже слепит глаза // ...И снова слышу я / за полосой тумана / Смятеные сотен крыл / в рассветной тишине. // То в памяти моей / все птицы Наукана / Слетаются ко мне... (Ненлюмкина, 1979, с. 56). Образ птицы, чайки в частности, является частью национального образа мира эскимосов. Через этот образ в какой-то степени Ненлюмкина проецирует определенное национальное видение мира и ментальные установки своего народа.

Особое место в лирике Зои Ненлюмкиной занимает образ Земли. В одном из своих очерков поэтесса писала: «В эскимосском языке есть слово „нунака“. Для эскимосов в этом слове все: и необъятный земной простор, и любовь к затерянному в этом просторе крохотному местечку, родному селению» (<https://magadanpravda.ru/culture/ya-v-naukane-rodilas>). В контексте этих слов совершенно по-особенному воспринимаются следующие поэтические строки: Ты спросишь: «Какая она / Земля, которую ты любишь?» // А я тебе просто скажу: / «Ты голову к небу поднимешь – / Увидишь, как падает снег. // Опустись – все тот же / Серебряный снег / Ковром у тебя под ногами. // Вот это и есть та земля...» // («Человек и Земля») (Ненлюмкина, 2002, с. 43). У Зои Ненлюмкиной этой землей стал Наукан.

Стихотворение «Сентябрь» рождено памятью о родном селении. Ее стихи – поэтическая фиксация устной истории своего народа. Поселок эскимосов – Наукан, расположенный на высоте птичьего полета, казался

малоприспособленным для жизни – скалы, ветра, туман. В 1958 году селение Наукан исчезло с географической карты страны, а вместе с тем оказалась под угрозой исчезновения неповторимая культура эскимосов – культура Берингова пролива. Ненлюмкина выбрала языком своего творчества почти утраченный диалект эскимосского языка – науканский, чтобы его сохранить для потомков науканцев, потому что язык почти исчез (Чекин, 1988; 1989).

Стихотворение «Сентябрь» – это стихотворение-плач, которое восходит к традиционной эскимосской песне-плачу, благодаря которой автору удается передать драму науканцев в самых простых словах: Здесь берег океана / Волна стучит, как маятник / На месте Наукана / Теперь пустырь / И – памятник. // Здесь 30 лет назад / Мое исчезло племя... // Часы стучат, стучат, / отсчитывая время. // И через тридцать лет, / немея от обиды, / Ищу хотя бы след / Чукотской Атлантиды // <...> Могильники молчат, / струится прахом кремь. // Часы стучат, стучат, / отсчитывают время. // Его не побороть. // Оно спешит за нами, / чтоб всех перемолоть / своими жерновами... // Но люди до сих пор / еще зовут по имени / шесть календарных гор / покрытых первым инеем. // <...> Начало сентября. // Соленый встречный ветер. // Короче говоря, / еще отнюдь не вечер! // Не время для обид / и поминальной чарки / И первый лед разбит // крылом последней чайки (Ненлюмкина, 1979, с. 60).

Согласимся с выводом, что переселение из древних национальных поселков в начале 1940-х – конце 1950-х годов в связи с укрупнением и усилением погранзоны стало причиной «эмоциональной травмы у населения Чукотки» (Чекин, 1986), которая связана не только с утратой родовых мест, но и невозможностью исполнить родовой обряд кормления мертвых (Слезкин, 2008).

В стихотворении «Сентябрь» принципиальную роль играет категория времени. Обозначением месяца она закрепляется в названии стихотворения. Оно имеет не только временной, но и философский смысл. *Сентябрь – месяц перехода, время ледостава-сикю, возможности/невозможности* передвигаться и путешествовать по ледяным тропам и охотиться на животных. Ранней осенью у российских эскимосов проводится и ритуальный вид кормления духов – обряд «кормления душ». Он проводится тогда по всем предкам и умершим родственникам сразу (Вахтин, 2001).

Время здесь не носит характер субъективного переживания – оно имеет культурную кодификацию. Временной план закрепляется центральным образом часов, безжалостно отсчитывающим время – прошлое, настоящее, будущее. Но авторское времяощущение выражается еще и через систему пространственных образов (океанская волна, берег, горы). Она создает классический для русской литературы образ времени-«жернова». При всей драматичности интонаций стихотворение все же не оказывается «реквиемом» по исчезнувшему – это проекция страдающей души науканцев.

Особое место в поэзии Ненлюмкиной занимает образ Человека. Но поэтесса рассматривает его через призму любви – к малой родине, к делу, другому человеку. По мысли поэтессы в любви человек черпает силы и радость жизни. Отметим, что в традиционной песне романтический мотив любви у эскимосов не выявлен исследователями. Вероятно, это все-таки мотив привнесенный извне. Между тем в поэзии З. Ненлюмкиной он адаптирован посредством русской поэзии: таинственное чувство любви, приносящее горести и радости, непременно сопровождается лирическую героиню, и в этом чувстве она естественна – в любви к ребенку, к родителям, мужчине. В любовной лирике Ненлюмкиной реализуется еще одна черта «женской поэзии» – чисто женское восприятие, хотя по-северному сдержанное, но все-таки личностно-эмоциональное и чувственное: ...Песню твоей дороге, / как птицу, пускаю вдаль, / чтоб от любви к Отчизне / меня не оделял. // Песня моя, как птица, / Догонит тебя, поверь, / чтоб стала и я частицей / побед твоих и потерь («Песня твоей дороге») (Ненлюмкина, 1986, с. 39).

Поэтические строки Зои Ненлюмкиной ритмичны – они не только передают эмоциональный настрой, но и воздействует на слушателя своей динамикой. Выше мы указывали, что в поэзии Ненлюмкиной ощутимы эскимосские песенные традиции. Это проявляется в напевности ее поэзии, которая не исчезает даже в переводе. Более того, сам эскимосский язык, которому присуща «молчаливая мудрость», по своей образности и ритмическому строю очень близок к песне: Только волны / Берингова пролива / Могут так реветь / во всю глотку, / Ударяясь разъяренными лбами / В упрямый берег Наукана. // Белым парусом смятым / Бьется одинокая чайка / между ветром свирепым / и свирепым морем. // У земли и у неба / Просит она силы. // Бьются белые крылья чайки / С синими крылами ветра («Чайка») (Ненлюмкина, 2002, с. 84).

Если говорить о поэтике стиха Ненлюмкиной на языке оригинала, то, сама Ненлюмкина признается, что «ритм науканского стиха привносит смысл», но при переводе было решено «сохранять смысл перевода, но не размер. Так как это слишком громоздкий труд, который иногда может ни к чему не привести» (Чекин, 2020). Но инокультурные читатели знакомятся с поэзией Ненлюмкиной в переводе на русский. И в этом случае верлибр утрачивается в переводе, мысль поэтессы в переводе передается рифмой и при помощи силлаботоники, которая изначально отсутствовала в традиционной поэзии эскимосов.

Очевидна генетическая связь поэзии Ненлюмкиной с традиционным эскимосским заклинанием, которое служит не этнокультурным идентификатором и артефактом, а сохраняет живое бытование. Перевод стихотворения «Парус» Лермонтова на науканский диалект, сделанный в юности Ненлюмкиной, бабушка поэтессы назвала не иначе, как «заклинание» (Вашенко, 2008, с. 370). Заметим, что у палеоазиатских народов довольно широко представлен жанр заговоров/«защитительных заклинаний» (В. Тан-Богораз).

В поэзии Ненлюмкиной, по крайней мере в имеющихся переводах на русский язык, мы не находим ярких метафор и сравнений, немногочисленные эпитеты подчеркивают окружающий ландшафт и почти лишены эмоциональности – «море лунное», «свирепое море». Некоторые устойчивые поэтические обороты, берущие начало в фольклоре эскимосов, отражают авторское мировидение, причем глубоко национальное: «и звуки,

качнувшись как льдинки, поплыли, как снег закружились, как птицы вспорхнули они», «по-человечьи стонут льды порой осенней». Из фигур речи нередко у Ненлюмкиной можно встретить обращение – к Земле, к Весне, мужчине, старику и др. Это – проекция «диалогичного» видения мира самими эскимосами, которая нашла отражение в традиционной эскимосской сказке, построенной в форме диалога.

Поэтические строки у Ненлюмкиной имеют особую ритмичность, даже в силлабо-тоническом переводе передают не только эмоциональный настрой поэтессы, но воздействуют на слушателя своей динамикой. Этому способствует особое строение ее стихов – чередование коротких и длинных строк, монологов и диалогов лирических героев, которые больше характерны для эскимосской песни. Есть интересное наблюдение: в языке гренландских эскимосов слово «стихотворение» синонимично слову «дыхание», отсюда вытекает семантически глубокое выражение – «стих – слово, исполненное дыханием» (Эскимосская литература, 2008, с. 95). Использование своеобразной лексики (топонимов, промысловых и бытовых понятий и терминов) делает ее стих оригинальным и самобытным. Как отмечал критик, у переводчика А. Червченко преобладает экзотика, тогда как переводчик М. Эдидович старался придать лирике Ненлюмкиной гражданское звучание (Огрызко, 1980, с. 183). Нередко в лирике Ненлюмкиной встречается рефрен. В стихотворении «Чай» повторяются начальные строки: Я одна – я пью чай. // Чай, мой друг, я одна – / Песни тебе и почести! // В горестном одиночестве / Выпью тебя до дна (<https://magadanpravda.ru/culture/ya-v-naukane-rodilas>). На этом виде повтора Ненлюмкина строит все стихотворение. Полагаем, что рефрен призван не столько придать стихотворению особый ритм и динамику, у него функция жанрово-содержательная: стихотворение максимально приближено к форме песни, с непременным припевом, и в стихотворении, не лишенном импровизации, ведущим становится мотив одиночества, который вообще для творчества Ненлюмкиной является ключевым.

Заключение

«Горизонты ожидания» читателя при обращении к поэзии Зои Ненлюмкиной позволяют заключить, что поэзия ее даже в переводах сохранила свой национальный лик и душу благодаря обращению к традиционной устнопоэтической традиции, которая, безусловно, на сознательном уровне проявляет себя через воспроизведение реалий повседневности, чувств, памяти культуры предков, а отсюда – стихотворения-плачи, стихотворения-заклинания, стихотворения-песни, через актуализацию почти утраченных традиционных смыслов, неевропейской логики поэтического видения. Эскимосская поэтесса позиционировано смотрит на этот мир и дает ему оценку из одной пространственной точки – исчезнувшего с карты, но живого в памяти селения Наукан. Это пространство в ее поэзии втягивается в движение времени, родовой и этнической истории, личных чувств и ощущений лирической героини. Такова логика культуры палеоазиатов, и эскимосов в частности, – куда бы не забросила судьба, но важно всегда возвращаться к той точке на земле, с которой только и можно смотреть на этот мир, что, собственно, Ненлюмкина и демонстрирует в своем творчестве. Ее поэзия восходит однозначно к традиционной эскимосской песне, «заклинаниям» эскимосов, и это особо ощущается на содержательном уровне – описании ощущений непридуманной действительности и этно-реалий, глубинных чувств поэтессы-эскимоски.

В середине 1980-х годов Ненлюмкина увлеклась детской литературой, очень много времени этому посвящала и, издав книгу «Поговори со мною, Солнышко», призналась: «Я давно знакома с журналом „Детская литература“ и с теми направлениями, которых надо придерживаться. А самая главная цель: оберегать мир ребенка таким, какой он есть... Ибо я все время думаю о нравственности человеческого воспитания, о привитии доброты, познания лучших сторон нашего национального искусства. Мне видится, как в своих детях, и так и в чужих, доброта, вежливость, честность, правильное, здоровое восприятие мира» (см. об этом переписку З. Ненлюмкиной с переводчиком и издателем В. Першиным: Сущанский, 2020, с. 12). Мы видим в этом весьма перспективную тему исследования творчества эскимосской поэтессы, также будет весьма плодотворно изучить «тонкость языкового перевода» (З. Ненлюмкина), о качестве которого она высказалась весьма метафорически: «...когда скудеет душа поэта – это очень ощутимо по переводам, даже если это вышло из изнасилованной души...» (Сущанский, 2020, с. 12). На текущий момент не изучена ее «взрослая» книга избранных стихотворений «Упынҕам қуяҕатҕа» («Весна счастья», 1990), а также неизвестна ее проза, в частности рассказы. Рассказ «Заклинания о журавлях», написанный еще в конце 1970-х годов, известен только благодаря переписке исследователя Л. Чекина с самим автором и публикации в сборнике «Современная проза Чукотки». Рассказ не лишен автобиографизма и повествует о молодой художнице и ее бабушке, утративших свои родовые гнезда. Проза Ненлюмкиной – это новая страница как в истории эскимосской литературы, так и в ее изучении. Наше обращение к рецептивной эстетике и «горизонту ожидания» позволило интерпретировать содержание и форму произведений в рамках устнопоэтической и художественной традиций, выявить имеющийся опыт интерпретации творчества Ненлюмкиной, а также обозначить и описать индивидуальные культурно-эстетические установки в творчестве, смыслообразы поэзии Зои Ненлюмкиной, творчество которой, безусловно, является «вехой в национальной литературе эскимосов» (А. В. Ващенко) (Ващенко, 2008а, с. 364). В своей статье мы предложили современный горизонт рецепции поэзии Зои Ненлюмкиной и попытались ее представить через обращение к рецептивной эстетике в качестве художественно-эстетического «прецедента», который конституирует определенный пласт ожидания и дает толчок развитию национальной литературы.

Источники | References

1. Вахтин Н. Б. Возвращение умерших и наречение имен на северо-востоке Сибири // Чужое имя: альманах. СПб.: Канун, 2001.
2. Ващенко А. В. В древнем стойбище сердца. Уроки современной циркумполярной эскимосской поэзии // Эскимосская литература: материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008а.
3. Ващенко А. В. Инуксук // Эскимосская литература: материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008b.
4. Гобзев И. Цветы во льдах // Эскимосская литература: материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008.
5. Ненлюмкина З. Где ты? / пер. с эскимосского М. Эдидовича. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1986.
6. Ненлюмкина З. Птицы Наукана / пер. с эскимосского А. Черевченко. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1979.
7. Ненлюмкина З. Чайка / пер. с эскимосского А. Чадаевой // Литература народов Крайнего Северо-Востока России: хрестоматия: 5 кл. Магадан: Кордис, 2002.
8. Ненлюмкина З. Я в Наукане родилась. 2020. URL: <https://magadanpravda.ru/culture/ya-v-naukane-rodilas>
9. Николаев К. Б. Голоса новой 4 Чукотки: литература народностей Крайнего Северо-Востока. Магадан: Книжное издательство, 1980.
10. Огрызко В. Не забывай, что истина ревнива // Эскимосская литература: материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008.
11. Огрызко В. О Севере - без экзотики // Наш современник. 1993. № 1.
12. Огрызко В. Я увидела, как мчатся в небе огненные волны // Полярная звезда. 1980. № 1.
13. Пошатаева А. В. Эскимосская литература // Литературы народов России. XX век. М.: Наука, 2005.
14. Рыхтэу Ю. За солнцем следом // Ненлюмкина З. Где ты? Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1986.
15. Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии / сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова; пер. Г. А. Меновщикова, Н. Б. Вахтина и Е. С. Рубцовой. М.: Наука, 1985.
16. Слезкин Ю. Л. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
17. Сушанский С. Иди за солнцем // Литературная Россия. 2020. № 1.
18. Чадаева А. Душа счастья // Наука и религия. 1979. № 3.
19. Чадаева А. Как сказать «люблю» по-эскимосски // Литературная Россия. 1976. 5 ноября.
20. Чекин Л. С. Инуитская литература, постколониальная критика и проблемы переводимости. 2020. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22944/
21. Чекин Л. С. О литературе Гренландии, в связи с некоторыми традициями эскимосского фольклора // Филологические науки. 1989. № 3.
22. Чекин Л. С. Поэтика и политика полярных охотников. Обзор антологий // Современная художественная литература за рубежом. 1986. № 6.
23. Чекин Л. С. Художественная литература на арктическом острове // Голос далекого острова: поэзия и проза писателей Гренландии: сборник. М.: Радуга, 1988.
24. Шпрыгов Ю. М. Эскимосская литература // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8.
25. Эскимосская литература: материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008.
26. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12.
27. Яусс Х. Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12.

Информация об авторах | Author information**Хазанкович Юлия Геннадьевна**¹, д. филол. н., доц.¹ Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск**Khazankovich Yulia Gennadievna**¹, Dr¹ Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk¹ hazankovich33@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 06.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): эскимосская литература; Зоя Ненлюмкина; эскимосская поэзия; рецепция; эскимосская песня; Eskimo literature; Zoya Nenlyumkina; Eskimo poetry; reception; Eskimo song.